

ISSN 2307-4671

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ
И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК VI

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2013

ISSN 2307-4671

The Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Altai State University
Faculty of the political science
Department of the religion science and state-confessional relations
Laboratory of the ethnocultural and religion science research

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL
ASIA IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VI ISSUE

BARNAUL – 2013

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М64

Ответственный редактор:
доктор исторических наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Л.Н. Ермоленко**
доктор культурологии **Л.С. Марсадолов**
доктор исторических наук **Т.Д. Скрынникова**
доктор философских наук **О.М. Хомушку**
доктор исторических наук **Л.И. Шерстова**
доктор исторических наук **С.А. Яценко**

М64 Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе : сборник статей /
под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та,
2013. – Вып. VI. – 266 с.: ил.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху Средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии» (проект №13-21-03001)

© Оформление. Изд-во Алтайского
госуниверситета, 2013

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
M64

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences)
L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences)
T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences)
O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences)
L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences)
S.A. Yatchenko (Doctor of Historical Sciences)

M64 The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2013. – VI Issue. – 266 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Дашковский П.К.</i> Некоторые аспекты междисциплинарных исследований в отечественном религиоведении	9
<i>Ковтун И.В.</i> Прообраз варуны на кинжале из Сеймы	18
<i>Сотникова С.В.</i> О семантике парных погребений андроновской эпохи	36
<i>Нуржанов А.А.</i> Мусульманское денежное отношение Средней Азии и Казахстана в эпоху Средневековья (VII–XVIII вв.)	50
<i>Пилипчук Я.В.</i> Католицизм у кыпчаков	62
<i>Руденко С.А.</i> Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации	72
<i>Тишин В.В.</i> Некоторые заметки о служителях культов у древних тюрков VI–VIII вв.	102

II. САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА И ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А.</i> Наблюдательная астрономия и системы счисления времени бронзового века Северной Хакасии (к проблеме астрального характера религии жречества окуневской культуры)	120
<i>Серигов Ю.Б.</i> Культы и обряды древнего населения Среднего Урала по материалам пещерных святилищ р. Чусовой	147
<i>Шелепова Е.В.</i> Сакральное пространство в культурах кочевников Саяно-Алтая и Западной Монголии раннескифского времени	166
<i>Шевченко Д.В.</i> Половая символика в христианстве как архаический, культурный феномен (по материалам полевых исследований росписей в христианских храмовых комплексах в Каппадокии. Турция)	179

III. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И РОССИИ

<i>Бүрэн-Өлзий И., Цэдэв Н., Баяртунгалаг Г.</i> Некоторые результаты исследования по религиозным вопросам, проведенного в Ховдском аймаке.....	192
<i>Жанбосинова А.С.</i> О деятельности контрреволюционных религиозных групп в восточном регионе Казахстана в 30-е гг. XX в.	203
<i>Запорожченко А.В., Славко В.Е.</i> Элементы шаманизма в народных религиозных традициях Южной Европы (на примере словенских и хорватских кресников).....	215
<i>Останин В.В.</i> Вайшнаизм на Алтае (двадцать лет спустя).....	224
<i>Содномпилова М.М.</i> Культ монгол-бурханов в традиции западных бурят	230
<i>Цэдэв Н., Бүрэн-Өлзий И., Баяртунгалаг Г., Пурэвсурэн Ц.</i> Город Ховд как центр пересечения мировых религий.....	238
<i>Шерстова Л.И.</i> Бурханизм и проблема новых идентичностей народов Горного Алтая	243
<i>Эшматова Г.Б.</i> Повышение значимости религиозных объединений в расширении демократизма духовно-нравственной сферы жизнедеятельности	251
Список сокращений	259
Сведения об авторах	261

О СЕМАНТИКЕ ПАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ АНДРОНОВСКОЙ ЭПОХИ

Парные погребения, в которых умершие были положены лицом друг к другу, были выявлены уже в первые годы изучения андроновской культуры. В Западном Казахстане М.П. Грязнов (1927, с. 172–221) обнаружил андроновские (алакульские) могилы, содержащие парные разнополюе захоронения. Особый интерес представляют погребения из могильников Кунакбай-сай (могилы 1 и 2) и Урал-сай (могила 8). Несмотря на то, что все погребения были потревожены, удалось определить, что умершие были положены лицом друг к другу: мужчина – на левом, женщина – на правом боку, головами на запад. Представляет интерес и тот факт, что в парах представлены люди одной возрастной группы: в могиле 2 из могильника Кунакбай-сай были захоронены подростки, в могиле 8 из могильника Урал-сай – люди в возрасте 40–60 лет, т.е. по меркам того времени относящиеся к разряду стариков. Кроме того, женские костяки сопровождались бронзовыми украшениями.

Такие парные разнополюе погребения, относящиеся к эпохе бронзы, сначала были интерпретированы М.И. Артамоновым (1934, с. 119) как захоронения мужчин с насильственно умерщвленной для него неполноправной женой или наложницей. Е.Е. Кузьмина (1986, с. 90–91) считает, что это была полноправная жена, которая добровольно следовала за своим мужем. Я.В. Рафикова (2008, с. 81) высказала мнение, что парные захоронения совершались лишь в случае одновременной смерти супругов или если их смерть была разделена небольшим временным промежутком – от нескольких недель до нескольких месяцев.

Исследования последних десятилетий существенно расширили источниковую базу для изучения вопроса о парных разнополюх захоронениях андроновской эпохи. Особенно важны для решения этого вопроса материалы ненарушенных погребений, на основании которых удалось установить, что в некоторых случаях мужчина и женщина не просто были захоронены лицом друг к другу, но воспроизводили «позу объятий». Такие погребения достаточно редки, они встречаются далеко не в каждом алакульском могильнике, по-

этому обнаружение каждого нового подобного погребения представляет значительный интерес.

Могильник Ермак-IV, расположенный в Среднем Прииртышье (Нововаршавский район Омской области), является на сегодняшний день одним из самых восточных памятников, принадлежащих алакульскому населению. Из 94 исследованных могил лишь одна содержала хорошо сохранившееся захоронение мужчины и женщины в «позе объятий». Могила 16 входила в один комплекс с могилами 18 и 19. Их взаиморасположение свидетельствует о преднамеренной компоновке и единстве данного погребального комплекса. Могилы 16 и 18 на уровне материка прослеживались в виде общего пятна аморфных очертаний. Лишь на глубине 10 см от уровня материка выяснилось, что яма имеет прямоугольную форму и разделена посередине материковой перегородкой на две могилы, примерно одинаковые по размерам. Ширина материковой перемычки – 25 см. Могила 18 на глубине 10 см от уровня материка имела размеры 220 × 170 см и была углублена в материк на 60 см. Ориентирована по линии ЮЗЗ–СВВ. В заполнении ямы на глубине 10–20 см встречались кости черепа и ног крупного и мелкого рогатого скота.

На глубине 50 см от уровня материка прослежены плахи обкладки и перекрытия. У западной стенки обкладка отсутствовала. Перекрытие представляло собой тонкие, толщиной не более 2 см, широкие – 20–40 см – плахи, положенные поперек могильной ямы. Плахи перекрытия были положены так, что непосредственно прилегали к костям, образуя своеобразную древесную оболочку над ними. Под костями прослежена тонкая древесная подстилка того же типа, что и перекрытие. На северной стенке ямы четко фиксировались следы подстилки и перекрытия, располагавшиеся одна над другой на расстоянии 10 см. У края западной стенки, примерно на середине ее высоты (30–35 см от уровня материка), обнаружено скопление черепов и костей ног животных – нижние челюсти и передняя нога от взрослой особи и две задние ноги от молодой особи крупного рогатого скота, череп, нижние челюсти, передняя и задняя нога от двух взрослых особей мелкого рогатого скота.

В могиле захоронено трое умерших (далее костяки А, Б, В), головами на юго-юго-запад. Костяк А принадлежал мужчине в возрасте около 20 лет. Он захоронен в скорченном положении, на левом боку, с разворотом на живот. Череп расположен на левом боку, под ним – левая рука, правая – на костях скелета Б. Ноги умершего

слегка согнуты в коленях и перекрывают кости ног скелета Б. У левого бедра костяка А находилось скопление наконечников стрел – двенадцать костяных, одна каменная и одна бронзовая. Они были положены компактно, острием вниз, возможно в колчане, который не сохранился.

Костяк Б, значительно меньший по размерам, был положен на спину с разворотом вправо, в сторону костяка А. Кости ног костяка А слегка согнуты в коленях и повернуты вправо. Левая рука костяка Б находилась на грудной клетке костяка А, чуть ниже подмышки его правой руки, а правая – под костяком А, у его пояса. Череп костяка Б в могиле не обнаружен, поэтому антропологических определений сделано не было, но значительное количество украшений, найденное при этом костяке (описание их дано ниже), позволяет предполагать, что костяк Б принадлежал женщине. Взаиморасположение костей скелетов А и Б позволяет предполагать, что в момент совершения захоронения они были положены «в позе объятия». При костяке Б обнаружено значительное количество украшений: на каждой руке умершей было по три браслета со спиральными навершиями и по три перстня со спиральными щитками. На щиколотках сохранились низки бронзовых бус. В ногах умершей обнаружено скопление компактно уложенных бронзовых украшений: ребристые пронизки, круглые бронзовые бляшки с орнаментом и отверстиями для пришивания, пастовые бусы. По составу украшений можно предполагать, что это – накосник. С этим же костяком следует связывать скопление пастовых бус и бронзовых колец возле нижней челюсти костяка А. Размещение накосника в ногах женского костяка, у которого отсутствовал череп, может служить косвенным указанием на то, что череп был изъят намеренно, с ритуальными целями, причем головные украшения были сняты и аккуратно уложены в области ног. В случае ограбления в первую очередь забрали бы украшения, а не череп.

Костяк В находился за спиной женского костяка, несколько в стороне от парного захоронения. Умерший был положен в скорченном положении на левый бок, т.е. спиной к паре, череп отсутствовал. Погребального инвентаря при этом костяке не обнаружено (Сотникова С.В., 1985).

Таким образом, могила 16 представляла собой коллективное захоронение, центральная роль в котором принадлежала разнополой паре, захороненной в позе объятия лицом друг к другу. Материалы из могильника Ермак-IV демонстрируют ту же традицию –

женщина захоронена на правом, а мужчина – на левом боку. Женщина снабжена, по сравнению с мужчиной, большим количеством бронзовых украшений, включая сложный накошник.

Наиболее близкую аналогию данному погребению представляют материалы алакульского погребения 1 из огады 4А группы Б Лисаковского-І могильника, расположенного в Костанайской области (Казахстан). В могиле также захоронено трое умерших, головами на юго-запад. Двое погребенных – мужчина в возрасте 30–35 лет и женщина в возрасте 25–30 лет были уложены лицом друг к другу, мужчина – на левом, женщина – на правом боку. Женский костяк частично перекрывал мужской, лучевые кости рук обоих костяков лежали параллельно. Третий костяк в возрасте 16–20 лет находился несколько в стороне, за спиной женского костяка. Он был уложен на левый бок, спиной к паре. У него отсутствовал череп, кости правой руки и ребра. В головах погребенных стояло шесть сосудов. При женском костяке обнаружено большое количество украшений, при двух других инвентаря не было. На черепе женского костяка зафиксировано восемь бронзовых подвесок в 1,5 оборота, обложенных золотым листом. Вокруг черепа располагалось шесть бронзовых ромбовидных подвесок, по-видимому, от головного убора. У затылочной части размещался сложный накошник из бронзовых бусин, обойм, листовидных подвесок. На запястьях обеих рук – по два бронзовых браслета, на щиколотках – низки бронзовых бус (Усманова Э.Р., 2005, с. 40–42, 225). Материалы Лисаковского-І могильника демонстрируют ту же тенденцию: в паре женщина располагалась на правом, мужчина – на левом боку, женский костяк был снабжен большим количеством украшений, включая накошник. За спиной женского костяка и спиной к нему размещался третий умерший, у которого отсутствовал череп. Несмотря на значительное число раскопанных могил, такое погребение было единственным в могильнике Лисаковский-І. В то же время имеется и отличие – женский костяк частично перекрывает мужской, но не в «позе объятий».

В алакульских могильниках представлены и отдельные парные погребения в «позе объятий». Такое захоронение было обнаружено в погребении 7 кургана №8 могильника Алакуль (Южное Зауралье). Верхняя треть костяков была нарушена. По сохранившимся на месте костям было установлено, что мужчина был захоронен на левом, а женщина – на правом боку. Кисть руки женского костяка лежала в области груди мужского костяка. Вероятно,

умершие также были захоронены в «позе объятий». В области расположения женского костяка обнаружено значительное количество украшений: бронзовые и пастовые бусины, просверленная раковина и клыки лисицы, бронзовая круглая бляшка с рельефным орнаментом. На костях руки – три бронзовых браслета, на костях ног – низки бронзовых бус. Справа у тазовых костей мужчины лежала массивная литая бронзовая булава (Сальников К.В., 1952, с. 53–55).

Традиция парных захоронений «в позе объятий» представлена и на памятниках предшествующего периода – синташтинских и петровских, генетически связанных с алакульскими. Иногда эти памятники объединяются в новокумакский хронологический горизонт. В ранних памятниках также имеются как коллективные погребения, включающие парное разнополое захоронение лицом друг к другу «в позе объятий», так и отдельные погребения пары. В синташтинском могильнике Каменный Амбар-5 (Южное Зауралье) исследовано коллективное захоронение. В могиле 8 кургана №2 были погребены четыре человека. В центре, обнимая друг друга, располагались скелеты мужчины 30–35 лет и женщины-подростка 10–13 лет, головами на северо-северо-запад. Мужчина положен на левый бок, руки согнуты в локтях, правая кисть располагалась на грудном отделе женского костяка, левая – под ним. Женщина лежала на правом боку, ноги ее находились поверх ног мужчины, правая рука – под его головой, а левая – на костях его грудного отдела. За спиной женского костяка размещался скелет ребенка 6–7 лет, на левом боку (спиной к парному захоронению), головой на север. В его ногах – скелет новорожденного. В ногах погребенных зафиксированы два параллельных углубления для колес колесницы, два черепа лошадей, череп и кости ног крупного рогатого скота. В могилу также было поставлено не менее пяти сосудов. При взрослых костяках обнаружено большое количество инвентаря как женского, так и мужского: просверленные клыки, бусины, бронзовый нож, четыре роговых псалия, каменное навершие булав. В верхней части женского скелета найдено не менее семи десятков бусин из трубчатых костей птиц и мелких млекопитающих. У стоп ребенка найден каменный наконечник стрелы, в колесном углублении – бронзовая стамеска, в ямке-тайнике – еще одно каменное навершие булав. Это погребение самое богатое в кургане (Костюков В.П., 1995, с. 163–164).

Подобные коллективные погребения были обнаружены и в Синташтинском комплексе. Погребение 2 Синташтинского боль-

шого грунтового могильника содержало останки трех человек. Два из них (А и Б) положены лицом друг к другу. Третий (В) находился справа от них, несколько в стороне и был положен на спину с разворотом на левый бок, т.е. развернут затылком к парному захоронению. Костяк А, принадлежащий подростку, был положен на левый бок, в его изголовье находились восемь астрагалов барана, у ног – медное шило и поделка из меди. Костяк Б захоронен на правом боку, на шейных позвонках – ожерелье из пастовых бус. Из-за отсутствия профессиональных антропологических определений материала Синташтинского комплекса о поле погребенных можно судить лишь по инвентарю. Вероятно, на левом боку был захоронен мужчина, на правом – женщина. Костяк В имел богатые украшения – две медные височные подвески с позолотой, ожерелье из бисера, на обеих руках медные браслеты (Генинг В.Ф., 1992, с. 113–119). Погребение 1 Синташтинского-I могильника также содержало остатки трех умерших: два – лицом друг к другу (А и Б) и третий (В) – справа от них, в стороне на левом боку. От парного захоронения сохранилась лишь верхняя часть скелетов. Костяк А положен на левый бок, у его черепа находилось бронзовые тесло и шило, кусочек дерева с медным окислом. Рядом с черепом костяка Б – бронзовый нож. В ногах этой пары размещались бронзовые рыболовный крючок, игла, обломок стержня, пластинки-заклепки, три каменных песта, две плитки, два кусочка медной руды. У черепа костяка В также находился бронзовый нож. В головах погребенных – сосуды и астрагалы (Генинг В.Ф., 1992, с. 252–256).

Коллективные погребения синташтинского населения из Синташтинских могильников и Каменного Амбара-5 представляют собой достаточно близкую аналогию рассмотренным выше коллективным алакульским погребениям из могильников Ермак-IV и Лисаковский-I, в которых парное захоронение лицом друг к другу (в том числе в «позе объятий») было дополнено третьим. В синташтинских погребениях мужчина также был захоронен на левом, а женщина – на правом боку. Третий погребенный располагался за спиной женского и был положен на левом боку, т.е. развернут спиной к парному захоронению. Подобное положение третьего костяка по отношению к паре наблюдалось и в могильниках Ермак-IV и Лисаковский-I.

Отражением той же традиции следует считать и коллективные погребения 1 и 5 кургана №4 могильника Кулевчи-VI. Эти погребения Н.Б. Виноградов (1984, с. 152) относит к финалу петров-

ского этапа алакульской культуры. В каждой могиле обнаружены остатки скелетов четырех погребенных. В могиле 5 костяки 1 и 2 лежали в «позе объятий». Кости рук скелета 2 лежали на костях рук погребенного 1. В области черепа скелета 1 найдены пастовые бусы, бронзовые бляшки, просверленные зубы животных, на запястьях — два бронзовых желобчатых браслета, на щиколотках — низки бронзовых бус. За спиной — бронзовая гривна, бронзовые бляшки, бусы. У скелета 2 в области правой лопатки костяная муфта, между ребер — костяное кольцо, между бедренными костями — каменная булава, у головы — бронзовый нож. Другой бронзовый нож обнаружен в юго-восточном углу. Антропологические определения костей отсутствуют, но, судя по сопровождающему инвентарю, костяк 2, лежащий на левом боку, принадлежал мужчине, а костяк 1, лежащий на правом боку, — женщине. Юго-восточная часть могилы пострадала от грабителей, но Н.Б. Виноградов (1984, с. 147–150) считает, что в могиле было захоронено не менее четырех человек. В могиле 1 этого кургана также погребено четверо человек. В центре — парное захоронение лицом друг к другу в «позе объятий» (скелеты 2 и 3). Череп погребенного 3 находился на костях руки погребенного 2. По обе стороны от пары было помещено по одному человеку на левом боку. На костях черепа погребенного 3 расчищены остатки сложного головного украшения, включающего наконечник, состоящего из круглых бронзовых бляшек с концентрическим орнаментом, бронзовых обоев и пастовых бусин. По набору деталей этот наконечник обнаруживает сходство с головным убором, положенным в ногах женского костяка, из погребения 16 могильника Ермак-IV. На щиколотках — низки бронзовых бус. При скелете 2 также имелось наконечное украшение, но другой конструкции, на запястьях — пять бронзовых желобчатых браслетов, на фалангах рук — семь бронзовых перстней со спиральными щитками. На уровне пояса — два просверленных зуба (Виноградов Н.Б., 1984, с. 145–147). В данном погребении зафиксирован весьма необычный вариант ритуала, когда оба костяка, захороненные в паре, сопровождались большим количеством украшений, в том числе и чисто женских, таких как наконечники. При костяках 1 и 4, располагавшихся по обе стороны от пары, также найдены украшения: бронзовые бляшки, обоевы, пастовые бусы и т.д. Украшения, связанные со скелетом 4, не уступают тем, что обнаружены в парном захоронении. На его черепных костях располагались украшения от головного убора, вероятно, наконечника, на запястьях — по два бронзовых желобчатых

браслета, на щиколотках – низки бронзовых бус. Таким образом, в могиле все четыре костяка были снабжены женским инвентарем.

В синташтинско-петровское время были распространены и обособленные парные захоронения лицом друг к другу. В могильнике Токанай-I, который исследователи относят к новокумакскому хронологическому горизонту, обнаружено парное захоронение лицом друг к другу в позе объятий, где женщина положена на правый, а мужчина – на левый бок. Лицо женщины перекрывали кисти рук мужчины. Правая кисть женщины лежала под ее подбородком, а левая находилась на правой кисти мужчины. При женском костяке найдены три бронзовых браслета, гривна, два кольца, височное кольцо, накусник, бляшки и бусы (Логвин В.Н., Калиева С.С., 1982, с. 459).

Большое количество парных разнополых захоронений лицом друг к другу, в том числе и в «позе объятий», обнаружено в могильнике Ветлянка-IV (Соль-Илецкий район, Оренбургская область), в материалах которого наряду с алакульскими и срубными присутствуют абашевские черты, что указывает на достаточно ранний характер памятника (Горбунов В.С., 1992, с. 181–182). В кургане №9 было четыре таких погребения. В погребении 12 костяки лежали лицом друг к другу, на черепах обоих погребенных – по две бронзовых подвески в 1,5 оборота. На шейных позвонках правого скелета обнаружено ожерелье из 44 бронзовых бусин и трех клыков кабана, на запястьях – бронзовые браслеты. У левого скелета на запястьях – бронзовые бусины. В погребении 27 два костяка лежали лицом друг к другу, причем левый скелет обнимал правый. За черепом правого костяка располагались восемь ромбических бляшек и подвеска в 1,5 оборота, под черепом – три пастовые бусины, на запястьях – два бронзовых браслета. Если судить по инвентарю, то на правом боку находилась женщина, следовательно, на левом – мужчина. В погребении 28 два детских костяка лежали лицом друг к другу. Костяк, помещенный на правом боку, сопровождался подвеской в 1,5 оборота. В погребении 7 обнаружено два парных погребения лицом друг к другу в позе объятий (кости ног лежали взаимно переплетаясь). Одна пара представлена взрослыми, другая – подростками. Пары были обращены головами друг к другу. В одной из пар при костяке, положенном на правый бок, найдено ожерелье из бронзовых бусин, а на руке – бронзовый браслет. В другой паре подобное ожерелье обнаружено при костяке, лежащем на левом боку. В кургане №11 этого могильника в погребении 3 лицом

друг к другу были захоронены два человека старческого возраста: мужчина – на левом, женщина – на правом боку. Левая рука женщины плотно прижата к челюсти мужчины, а правая рука мужчины положена на ребра женщины. За спиной мужского костяка – каменная булава, на предплечье женщины – пастовые бусины. В кургане №14 парное погребение совершено в могиле 2. Погребенные захоронены лицом друг к другу. На тазовых костях скелета, положенного на левом боку, – 11 костяных наконечников стрел, один кремневый наконечник был в кости позвонка. При костяке, лежащем на правом боку, обнаружены пастовые бусы (Горбунов В.С., 1992, с. 170–175). Несмотря на то, что точные антропологические определения для этого памятника не приводятся, можно отметить следующую закономерность: в парных погребениях лицом друг к другу костяки, при которых зафиксированы украшения, были положены, в основном, на правый бок, что позволяет предполагать их женскую принадлежность. В таком случае, на левом боку хоронили мужчин, что подтверждается находками при таких костяках каменной булав (погребение 3 курган №11) и наконечников стрел (могила 2 курган №14). Своеобразной чертой ритуала, связанного с парными захоронениями лицом друг к другу, являются материалы могилы 12 кургана №9, в котором украшения находились при обоих костяках. Подобная картина наблюдалась в могиле 1 кургана №4 могильника Кулевчи-VI.

Представляют значительный интерес материалы срубно-алакульского кургана Селивановского-II могильника в Южном Зауралье. Этот курган интересен тем, что под его насыпью было 14 могил, шесть из которых содержали парные захоронения мужчины и женщины лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий» (Рафикова Я.В., 2008, с. 72–83). В могиле 2 были захоронены двое подростков. Костяк 1, лежавший на левом боку, принадлежал подростку 13–14 лет, костяк 2 располагался на правом боку и принадлежал подростку 15–16 лет. В могиле 7 расчищено коллективное погребение четырех детей. Костяки 1 и 2 находились в западной части могилы лицом друг к другу. Костяк 1 принадлежал ребенку 3–4 лет и лежал на левом боку, костяк 2 принадлежал ребенку 6–7 лет и был захоронен на правом боку. Их руки согнуты в локтях и переплетены между собой. Костяки 3 и 4, принадлежащие детям 6–7 лет, лежали в восточной половине ямы, оба скорченно на правом боку, параллельно друг другу. В могиле 10 костяк женщины 20–22 лет был захоронен на левом боку, мужчины 25–30 лет – на правом. На

запястьях обеих рук женщины находились бронзовые желобчатые браслеты, на шейных позвонках – низки пастовых бус, на щиколотках – такие же бусины. В могиле 12 также захоронены взрослые: женщина 20–25 лет – на левом боку, мужчина 30–35 лет – на правом. На запястьях обеих рук женского костяка были обнаружены бронзовые желобчатые браслеты, на щиколотках ног – пастовые бусы. Могила 13 содержала парное захоронение детей. Костяк 1, принадлежавший ребенку 7–8 лет, лежал на левом боку, костяк 2 ребенка 8–9 лет – на правом. Левая рука костяка 1 находилась под черепом костяка 2, а правая обнимала сверху костяк 2. На запястьях обеих рук костяка 1 – бронзовые браслеты, под черепом – пастовые бусины. За спиной костяка 2 – четыре просверленных клыка волка. В могиле 14 костяк ребенка 9–10 лет лежал на левом боку, а костяк подростка 14–15 лет – на правом. Ребенок правой рукой обнимал подростка. Правее стоп подростка лежали просверленная раковина и три клыка волка.

Материалы этого памятника весьма показательны. Во-первых, они свидетельствуют о том, что в каждой паре были захоронены люди, относящиеся примерно к одной возрастной категории. Такая же картина прослеживается в могильнике Кунакбай-Сай, могила 2 из которого содержала захоронения двух подростков, а могила 8 из могильника Урал-сай – двух взрослых в возрасте 40–60 лет (Грязнов М.П., 1927, с. 177–178, 185–186). В могильнике Лисаковский прослеживается та же тенденция – мужчина имел возраст 30–35 лет, женщина – 25–30 лет. В могильнике Ветлянка-IV в кургане №9 могила 28 содержала парное захоронение детей. В погребении 7 того же кургана одна пара представлена взрослыми, другая – подростками, в погребении 3 кургана №11 захоронены два человека старческого возраста.

Во-вторых, парные разнополые погребения в «позе объятий» практиковались во всех возрастных группах, не обязательно брачного детородного возраста. Например, в могиле 7 Селивановского-II могильника одному из погребенных детей было всего 3–4 года, а другому – 6–7 лет. В могильнике Урал-сай (могила 8) погребенным было 40–60 лет, и по меркам того времени они считались уже глубокими стариками.

Своеобразие срубно-алакульских материалов кургана №1 Селивановского-II могильника заключается также в том, что в отличие от чистых алакульских памятников, где женщины лежат на правом, а мужчины на левом боку, женщины в парных погребениях

этого могильника захоронены на левом, а мужчины – на правом боку. Несомненный интерес представляет и тот факт, что в одиночных погребениях этого кургана женщины захоронены на правом, а мужчины на левом боку. Таким образом, парные погребения демонстрируют ритуальную инверсию пола: женщины захоронены в соответствии с мужскими нормами погребальной обрядности, а мужчины – в соответствии с женскими. Безусловно, это не означало перемены пола ни в жизни, ни в ритуале, подтверждением чему может являться наличие украшений на женском костяке. Наиболее вероятной представляется версия, что в ритуале женщина, захороненная по мужскому обряду, или мужчина, захороненный по женскому, объединяли в себе оба пола.

В том же плане следует интерпретировать и разнополые захоронения лицом друг к другу, в том числе и в «позе объятий». Последний вариант захоронений наиболее показателен. По-видимому, мужчина и женщина, захороненные в «позе объятий», представляли собой в ритуале одно существо, объединяющее в себе оба пола. Такой «божественный андрогин» – явление, достаточно распространенное в различных мифологических системах. Так, в раввинском толковании библейского текста «Берешит-рабба» говорится: «Адам и Ева были сотворены соединенными по плечи спиной к спине; тогда Господь разделил их ударом секиры или разрезав их надвое. Другие полагают иначе: первый человек (Адам) был мужем с правой стороны и женой с левой стороны; Господь же разделил их на две половины» (цит. по: Элиаде М., 1998, с. 313). В данном случае для нас представляют интерес, прежде всего, сюжеты индоиранской мифологической традиции, так как большинство исследователей относит синташтинские, петровские, алакульские и срубные памятники к индоиранцам. В индоиранской традиции место мифологического первопредка-андрогина заняла пара близнецов: Яма и его сестра Ями – у ведийских ариев, Йима и Йимак – у иранцев. М. Элиаде (1998, с. 314) отмечает, что эти «парные первопредки» Яма-Ями, Йима-Йимак в действительности являются более поздней версией мифа о «первочеловеке», который был андрогином. Того же мнения придерживается Р.Н. Дандекар. Он считает, что в процессе эволюции мифологии Яма – двуполое прасущество – уступил место паре близнецов, которые и стали родителями человечества (Дандекар Р.Н., 2002, с. 94–96).

В свете близнечного мифа представляет интерес тот факт, что в рассматриваемых погребениях – алакульских, срубно-алакуль-

ских и более ранних – пары составлены из людей, близких по возрасту или, по крайней мере, входящих в одну возрастную группу. Безусловно, они не были близнецами по рождению, в лучшем случае – братом и сестрой, но воплощали этих близнецов в ритуале. В таком случае вполне объяснимым становится факт, что в «позе объятий» были захоронены даже маленькие дети 3–4 лет или глубокие старики 40–60 лет. Воспроизведение близнечного мифа в ритуале имело целью воссоздание изначальной целостности, объединявшей в себе оба пола. В этом плане представляет интерес гимн «Ригведы» (Х. 10), где Ями склоняет своего брата Яму вступить с ней в кровосмесительную связь, но Яма отказывается на том основании, что они брат и сестра. Вероятно, то, что запрещалось в реальной жизни, было возможно и даже желательно в мифе и ритуале, иначе вообще не было бы человечества.

Воспроизведение в ритуале брака «близнечной» пары представляло собой возвращение к изначальной целостности мира, которая предшествовала Творению. Возвращение к Началу Творения было необходимым условием восстановления порядка (равновесия) в мире. Нарушенный мировой порядок нельзя было исправить, такой мир считался безнадежно испорченным. Необходимо было в ритуале вернуться к изначальному состоянию мира, а затем создать его заново. Ритуальные захоронения разнополых пар «близнецов» могли совершаться в кризисной ситуации, когда возникала угроза существованию всего коллектива – и детей, и взрослых, и стариков. Это могла быть, к примеру, эпидемия. Так, в ходе изучения костных останков погребенных в синташтинском могильнике Кривое озеро Г.В. Рыкушина (2003, с. 360) пришла к выводу, что причиной высокой смертности данной популяции могла быть эпидемия. Примечательно, что в этом могильнике имелось погребение (могила 6 курган №10), содержащее парное захоронение мужчины и женщины лицом друг к другу, которые были одного возраста – 30–35 лет. Рядом с женским костяком находился костяк ребенка (Виноградов Н.Б., 2003, с. 149–152; Рыкушина Г.В., 2002, с. 353–355). Вероятно, с точки зрения мифологического мышления, для того чтобы избавиться от эпидемии, необходимо было вернуться к Началу Творения, которое символизировала пара «близнецов», и создать новый мир – без болезней и эпидемий. Данный ритуал проводился, по-видимому, в разгар эпидемии, поэтому среди «близнечных» пар были представлены все возрастные категории. В таком случае становится объясним и факт коллективных погребений,

в которых, помимо пары «близнецов», захоронены и другие умершие, нередко того же возраста. Коллективные захоронения содержали три или четыре костяка, причем в их расположении наблюдалась определенная закономерность. Третий костяк, как правило, находился в стороне от пары. Он помещался за спиной женского костяка на левом боку таким образом, что оказывался развернут спиной к паре. Такая картина наблюдалась в могильниках Ермак-IV, Лисаковский-I, Каменный Амбар-5, Кулевчи-VI, Синташтинском большом грунтовом могильнике, Синташтинском-I могильнике. В свете приведенного толкования ритуала, третий костяк мог символизировать в обряде разделение изначальной целостности в ходе Творения. В расположении четвертого костяка какой-либо четкой закономерности не наблюдается, что, вероятно, было связано с ситуативной обусловленностью данной линии обрядности.

Материалы Селивановского-II могильника свидетельствуют о том, что объединение в ритуале двух полов могло быть неоднократно продублировано. В этом могильнике пары, во-первых, захоронены лицом друг к другу, в «позе объятий», во-вторых, женщины захоронены по мужскому обряду, а мужчины – по женскому. Учитывая, что в материалах этого памятника тесно переплетаются андроновские и срубные традиции, можно предположить, что в контактной зоне ритуал становился избыточным, он начинал транслировать одну и ту же информацию сразу по нескольким каналам, чтобы противостоять энтропии.

Достаточно редко встречаются парные однополюсные захоронения лицом друг к другу, в том числе в «позе объятий». В данном обзоре представлены два таких случая, это – могила 12 кургана №9 в могильнике Ветлянка-IV и могила 1 кургана №4 в могильнике Кулевчи-VI. В обоих погребениях пары представлены костяками, наделенными женским инвентарем (украшениями). Можно предположить, что существовали такие сферы ритуальной жизни, которые были доступны только женщинам или только мужчинам и тогда практиковались захоронения однополюсных «близнецов». Вероятно, и в этом случае основным смыслом ритуала было возвращение к изначальной целостности мира – к моменту Творения.

Библиографический список

Артамонов М.И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. №7–8.

Виноградов Н.Б. Кулевчи-VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. №3. С. 136–153.

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. 362 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. 408 с.

Горбунов В.С. Могильник бронзового века Ветлянка-IV // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992. С. 166–194.

Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки: антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Л., 1927. Вып. II. С. 172–221.

Дандекар Р.Н. От вед к индуизму: эволюционирующая мифология. М., 2002. 286 с.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 156–207.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. 134 с.

Логвин В.Н., Калиева С.С. Разведка на р. Тургай // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 459–460.

Рафикова Я.В. Срубно-алакульский курган Селивановского-II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // Российская археология. 2008. № 4. С. 72–83.

Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003. С. 345–360.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА №24. М., 1952. С. 51–71.

Сотникова С.В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области в 1985 году // АИА РАН. Ф. Р-1.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский-I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005. 232 с.

Элиаде М. Миф о воссоединении // Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1989. С. 273–323.